

ОКТАБРЬ

1 октября 1898 г. СПб.

Р. Изгой¹

Наши художественные дела. 1.

С. -Петербург, 1 Октября 1898 г.

Осенний сезон в самом разгаре. Все съехались. Выступили на сцену враги художества в буквальном и переносном смысле - обойщики, декораторы, столяры и проч. Буквальное ненавистничество художества со стороны этих деятелей всем понятно, ибо вряд ли от кого иного так страдает всё художественное и изящное, не менее страшны они для искусства и в переносном смысле: занявшись ими, не скоро найдёте время поинтересоваться художеством.

- Бываете в театре?

- Ох, какие тут театры! Сами видите, у меня опера «Вавилонское столпотворение» идёт: и хамиты, и семиты, совсем как у Рубинштейна!

- Слыхали о картине?

- Да, да, слыхал! Вон у меня тоже в квартире пейзаж-то какой!

На улице то и дело попадаются художники в самом странном состоянии; один бежит, ожесточённый, глаза навывкате, классические художественные локоны (по счастью всё менее встречаемы) на отлёте.

- Мастерскую! Мастерскую! Полкартины за мастерскую! Другой же костенел в своём несчастье:

- Хоть бы комнатку светленькую найти! Уже вторую неделю хожу. Привёз картину, позакончить до выставки хотелось бы, а и развернуть негде. Чуть где получше помещение, так и приступить страшно: смотрел вчера комнатку, ничего себе, хоть свет и неважный, а цена - как бы вы думали? 50 рублей. За узенькую конурочку 30 рублей хотят. Откуда я этикакие капиталы возьму? Вот тебе и чистое искусство!

Подобные разговоры среди художников, особенно среди молодых, как раз по сезону; для них слово художник действительно производится от слова худое житьё, как объяснял, не так давно умерший, старейший служитель скульптурного музея Академии Кузьма.

Кочевал художник лето с места на место; набирался свежего воздуха, свежих впечатлений, закопошилась в голове идея, накопилось в папке немало этюдов, мысль на эскизах вылилась понятно и художественно, только начать работать, только развернуться... Воображение работает, фантазия до мелочей выясняет задуманное и вдруг - бац по лбу: «Негде работать!» Прячь выношенную мысль, может быть, навсегда, в мозговой архив; запирай облюбленные эскизы подальше в шкаф, чтобы глаза не видали, и пиши что-нибудь сообразное обстоятельствам: не так, чтобы очень большое, но и не очень маленькое; не так, чтобы очень новое, но и не слишком старое; не так чтобы очень лёгкое, но и не очень грустное, словом - в аккурат такое, чтобы во всякую гостиную повесить можно бы, особливо, если под тон обоев подходит и ничьи нежные чувства не оскорбляет.

Тут подвернётся искуситель, товарищ, побывавший в прекрасном далекё:

- Плюнь ты, братец, на это дело! Небось, за границей только по музеям поштался, долго ведь там не жил, а вот возьми, да и уезжай туда поскорей со-

---

¹ Изгой – один из псевдонимов Н.К. Рериха.

всем! 4- целковых у тебя в месяц найдётся, там ещё сколько-нибудь заработаешь и заживёшь припеваючи. Мастерскую достанешь не нашим чета, заплатишь же столько, как у нас за самую завалюющую комнатку, а другие всякие удобства: материал дешёвый, натура смышлёная, самая разнообразная. У нас что художнички? где их мир? где их жизнь? А там они корпорация!.. Сколько ты думаешь заплатишь хоть бы за такую мастерскую: саженное окно, упирается не в жёлтую стену, а в чистое небо; помещение просторное, при мастерской две жилые комнаты, ход приличный - ни помоями, ни кошками не воняет... Ну, сколько стоит, по-твоему?

- На худой конец рублей шестьдесят?

- А в Мюнхене за такую благодать 40 марок отдашь! Хорошо? Ведь одна треть здешнего, а удобства вчетверо большие. Послушай меня - не пожалеешь!

- Голубчик, да ведь у меня мотивы-то русские; ведь сжился я с ними, на этот лад думаю...

- Чудак человек! Да разве тебе-то там-то запретит кто русское разрабатывать? Кроме того, разве на русских мотивах клином сошлось? Ведь работать-то тебе здесь всё равно худо.

И вспоминает искушаемый, что работать ему здесь и впрямь худо; вспоминает, как позвал старика мужика попозировать, просил его стать попроще, «как всегда», а тот стал такой раскорякою, что и смотреть гадко, и забывает свои недавние слова: «Чего это за границу надолго бегут, не просверлят им там головы и не вольют таланта», - и тоже бежит неведомо куда, окунается в чуждое ему море, не учится, чтобы потом тем лучше

«...мерять всё да звешивать,

На все боки бы поворачивать»,

а старается совсем перекроить себя на чужой лад, надеть платье с чужого плеча и после целого ряда лет возвращается обратно подстриженный, нивелированный, от своих отставший и к другим тощей бечёвочкой привязанный.

А если мысль назрела настолько, что просить выхода, дольше носить её в себе невозможно, и сильный духом художник махнёт рукою, набьёт холст под углом на две стены своей убогой комнаты и выразит своё «заветное», то не посмотрят на талант, не подумают, при каких условиях писалась эта картина, какой энергии требовала она, а величаво-спокойно изрекут приговор: «Ничего, недурно, но перспектива-то как не выдержана! Рисунок-то как хромает! Да, наши русские художники не умеют настояще направить свой талант! Всё-то неряшливо! Краски кричат! - а того не знают, что для того, чтобы видеть всю картину, на неё надо было смотреть в дверь из соседнего коридора; что о перспективе трудно судить, когда холст согнут под углом; что краски спокойные и гармоничные в обыкновенной комнате — кричат и спорят между собою, вынесенные свет; что, вместо разнообразной природы, была возможность пользоваться лишь одним человеком.

Вопрос о мастерских большое место русского художества. Специальные мастерские, с хорошим северным и восточным светом, все наперечёт, и счастливцев, завладевший таким помещением, держится за него и руками и зубами; в полутёмных обывательских квартирах, да ещё при столь обычном рефлексе соседней охристой стены, писать очень рискованно. Что же делать?

Академия может предоставлять помещения лишь учащим и учащимся; домовладельцы, по совершенно непонятным мотивам, не хотят откликнуться на такое настоятельное требование, да что и говорить об этом, когда многие генералы от искусства, владеющие громадными домами, не хотят ничего сделать в этом направлении.

Много зреет всяких художественных запросов, тем более что общий интерес к искусству очевидно растёт. Иначе чем бы объяснить быстро возрастающее число всяких художественных выставок. Если даже с закрытыми глазами пройти вдоль картинной шеренги, то по ногам будет чувствительно,

насколько она выросла, сравнительно с прежними годами. В самом деле, вместо недавних несколько сотен холстов, их экспонируется теперь до четырёх тысяч (так что в общей сложности наши выставки равны Парижскому Салону). Давно ли было время, когда две-три картинных выставки были не только обыденны, достаточны, чего доброго, пожалуй, обременительны, а теперь, не угодно ли, за прошедший сезон 1897-98 г. выставок было 16, да плюс открытие нового художественного музея, и везде есть публика, и в достаточном количестве; цифры платных посетителей, вместо былых 6-10 тысяч, достигают до 30 тысяч, не считая бесплатных и учащихся; никто не скушает, читая обширные газетные фельетоны о выставках. Это заметный шаг вперёд! Приятный сюрприз и художникам, и всей интеллигенции.

Потугинских («Дым» Тургенева) суждений о русском искусстве вовсе не слышно! За границею нами искренно интересуются; только бы фигурировали бы там в должном, оригинальном виде, не особенно-то щеголяя давно приевшимися Западу произведениями «декадентскими», как это случилось отчасти на выставке прошлого лета в Мюнхене.

Хотя, по счастью, в русской живописи по сие время декадентство сравнительно не сильно привилось и симпатиями ни публики, ни критики, кроме небольшого специального кружка, вовсе не пользуется, как это можно было видеть на январской выставке в залах музея Штиглица, однако с ним приходится считаться.

Один мой благородный друг обратился к выставочному жюри с шуточным воззванием грамот начала XVII века, где, между прочим, рекомендуется выборным живописцам свидетельствовать: «„коим живописное дело гораздо в обычай и тем мастерам да сотворится честь по чину, а которые мастера, самоволкою и не учась иконного воображения писать не навычны, а хульно и дерзновенно себя превозносят и произмечтательными хитродельцами мнят, - и тем мастерам иконных досок в Иконном Великого Государя Тереме не ставить и пред Пресветлые Государевы Очи им не казаться; а за сим выборные живописцы брешение имеют».

«Свидетельствуют и блюдут честное живописное дело выборные накрепко: появились бо по градам и по сёлам мастера неистовые, писания коих никакого подобия первообразных лиц не являют своим искусством, но представляют неправо на подобие лиц своестранных и в своенравных одеждах немецких, с лица тощи и покляпы, с власы рыжи, руки протягновенны, ноги, в бесовском скакании, хлыщущие, чёрной чертой окантованы. Травное изображение писано в них бесчинным манером Фряжским; краски нелепы; прозелень, киноварь и голубец кладены не в меру; золото сусальное ставлено неискусно, дцки под писанием осиновые; и сему неискусному писанию многие следуют и у них учатся, не рассуждая о воображении праведном. И те писания в Иконном Великого Государя Тереме да не поставят и добрым хитроделием да не назовут».

«Наблюдают и хранят выборнии, да воображения лепо, честно, с достойным украшением, искусным рассмотром художества пишемы будут, во еже бы всякого возраста очеса на тя возводящим, к подражанию житию изображёнными возбуждаться и, предстояще им, мнети бы пред лице самих первообразных стояти...»

Действительно, если бы не только в Тереме Иконном Великого Государя, т. е. надо полагать, в Академии художеств, но и на всех остальных выставках вовсе не встречалось произведений вроде указанных грамотою! Много витязей сложат головы, прежде чем чудище «стозевно и стоглавно», - декадентство - порублено будет. И то без вмешательства времени ничего не поделают; только время покажет, что действительно истинно:

«...Правда всё та же!..

.....
Верх над конечным возьмёт бесконечное,
Верую в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное,
Против течения».

Только кто теперь идёт против течения? Теперь декадентство заняло такие разнообразные пункты, что, право, не поймёшь: таинственные ли «неведомые, незнаемые, без имени-прозвища, без вида, без облика» декаденты защищаются от вражеских полчищ, или же враги декадентства, их же имена Ты, Господи, веси, напрягают силы отбиться от неслыханных орд.

А вдруг верховный судья - Время - признает правыми именно декадентов и заставит их противников возместить все протори и убытки? Кто знает?

Уже вижу изумлённые знакомые физиономии; как, для тебя декадентство только чудище «обло и стозевно» и больше ничего? Вовсе нет; идёт человек по шоссевному тракту, всё чинно, хорошо. Мелькают без конца столбы телеграфные; тянутся обозы; небо синее без облачка; сухая, едкая пыль забивается в нос и туманит глаза; пахнет дёгтем, а по бокам тракта бор глухой; и невыносимо путнику идти по наезженной дороге, бросается он в чашу. Пахнёт на него сыростью, душистыми травами, слышит он в таинственной листве приветливые птичьи голоса, и забывает путник дорогу, всё глубже идёт в чашу и под ногами уже мокро, вдали уже зеленеют чарусы и видны бездонные окна, а он всё идёт...

Если прибавит декадентство к существующему реальному направлению ещё словечко «идеально», - само же скроется и навсегда исчезнет, вот и хорошо! Но если захочет оно завоёвывать какое-то странное самостоятельное положение, то, наверно, найдутся люди, что порубят его.

Не знаю, как, в сущности, относится к декадентству администрация Иконного Терема, этого блюстителя истинного благочестия художества русского. В своё время некоторые признания теперешнего ректора Академии, профессора - руководителя И. Е. Репина, немало испугали многих, любящих искусство. Его художественное молчанье за прошедший год тоже немало всех смутило, но, может быть, по милости Божьей, тревоги напрасные: слышно, Илья Ефимович ездил этим летом в Палестину, остался очень доволен, запасася этюдами для своей картины «Искушение Христа», о которой уже идёт много разнообразных разговоров и которую вероятно, скоро увидим.

Между прочим, меня спрашивали по поводу этой картины: «Как это Илья Ефимович теперь за этюдами поехал, когда картина давным-давно пишется и уже чуть ли не готова? Ведь ему, придётся всю её сызнова переписывать под новыми, непосредственными впечатлениями?» И на этот вопрос я не умел ответить.

Немалое любопытство возбуждает предстоящий академический конкурс на звание. Со времени своего преобразования, т. е. с 1894 года, Академия сделала вдруг такие сильные успехи и так выдвинулась, что к предстоящему конкурсу всякий вправе предъявлять требования очень серьёзные.

Прошлогодня выставка всех много порадовала и даже со стороны предубеждённых людей вызывала замечания, что они ничего подобного не ожидали. Слыханное ли дело, чтобы работам учеников, о которых недавно никто, кроме близко заинтересованных лиц, и не думал, - газеты посвящали серьёзные разборы; чтобы выставка занимала, кроме лицевых зал Академии, ещё весь циркуль; чтобы не наскучила публике, несмотря на месяц существования. Сам ректор Академии публично заявил: «Каждый, кто внимательно осматривал выставку, согласится со мною, что она, безусловно, удачна». Да и пора, довольно погнила Академия в своих псевдоклассических тенденциях;

теперь она воспрянула прочно и надолго. «А ну как не прочно и ненадолго? А что, если первые-то конкурсы были составлены из воспитанников старого режима? А что, если будущие конкурсы сдадут?» Так говорят скептики и почему-то потирают руки; таких людей хлебом не корми, лишь бы где-нибудь прорухи найти. А вот, подобное карканье окажется неосновательным; пока же подождём ученическую выставку, открывающуюся в залах Академии 4-го Ноября, после годовичного акта.

Кроме общего интереса, эта выставка имеет ещё и специальный: в составе профессоров за минувший год произошли некоторые перетасовки, на место профессоров Куинджи и Кузнецова явились Киселёв и Ковалевский. Интересно будет посравнить их влияния, тем более, что проф. Куинджи, по общим отзывам, был лучшим преподавателем Академии.

Теперь академические конкурсы представляют из себя совершенно законченные выставки. Вся новая постановка дела, повышение научного ценза, предварительная серьёзная художественная подготовка, - всё обещает много хорошего. При вступительном экзамене, вместо прежней гипсовой головы, предлагается вступающим написать красками натурщика, причём самый экзамен продолжается не 5 часов, как прежде, а 2 недели, да кроме того всё первое полугодие принятые находятся под особым надзором и могут быть удалены, если не ответят нужным требованиям. Число принимаемых, вместо бывших 50-70, сокращено до 10-20.

Такая постановка, казалось бы, должна благотворно повлиять на дело, хотя скептики и тут находят что сказать:

- Хорошо-то, оно хорошо, но помните известную щедринскую притчу о содержащем и содержимом?

Бог с ней, с этой притчей! Пусть идёт всё по-хорошему! Будет слишком обидно, если какой-нибудь будущий летописатель имел бы основание в отношении академической реформы выразиться в духе Воскресенского списка летописи: (лета 6902)... «Замыслиша на Москве ров копати и почаша в Кучкова поля, за конец ему хотеша ученичи в Москву реку, широта же его сажень, а глубина человека стояща, и много бысть убытка людем, понеже поперёк дворов копаша и много хором размета, а не учиниша ничтоже»...

Последнее, закончившееся к первому октября, приёмное испытание дало следующие результаты: явилось на испытание 62 желающих поступить на архитектурное отделение и 39 - на живописное и скульптурное. Из этого числа принято: на архитектурное 17, а на живописное 9 - с достаточным образовательным цензом (окончательное испытание их продлится до Рождества) и 8 без образовательного ценза. Кроме того, из областных художественных школ Одесской и Московской принято без экзамена: на архитектурное отделение — 5 и на живописное - 6.

Упомянув об уходе из числа профессоров-руководителей Академии проф. А. И. Куинджи, нельзя не указать на возбуждившую много толков в художественных кружках весеннюю заграничную поездку этого профессора со своими учениками. Действительно, подыскать пример, чтобы профессор взял своих учеников и на свои средства повёз их знакомиться с музеями Европы, подобать нелегко, если только вообще возможно. Всего участвовало в этой поездке 14 человек; были осмотрены музеи и периодические выставки Берлина, Парижа, Мюнхена и Вены.

Думается, без этой инициативы многим из участвовавших в поездке не скоро бы довелось прогуляться за рубежом и пришлось довольствоваться иностранными выставками, устраиваемыми у нас за последнее время всё чаще и чаще.

Какое хорошее начинание! Таким образом, имена многих художников перестают быть какими-то мифами, выясняются школы, определяются художественные направления, смутные по книжным и журнальным известиям.

К коллекции уже бывших иностранных выставок можно будет скоро прибавить ещё одну, а именно, Бельгийскую. Одно время ходили слухи об устройстве выставки Испанской, но, кажется, они пока преждевременны.

Это всё визиты; слов нет, принято принимать визитёров у себя дома, сидя на оттоманке, но не вечно же их принимать, надо ведь и о долге приличия вспомнить.

К существующим международным выставкам, на которые так любезно приглашают иностранцы русских художников, с мая 1899 года прибавится ещё Лондонская международная, о чём, слышно, и будут скоро разосланы оповещения художникам. В циркулярном бланке этих выставок значится, что «принцип выставки - космополитизм в искусстве (the non-recognition of Nationality in Art). Выставка будет происходить в Prince's Skating Club, Knightsbridge, каковое помещение заново отделяется и устраивается для этой цели; выставка будет открываться ежегодно в мае. Необходимость таких выставок ощущалась уже много лет». В совете предположенных выставок, под председательством Д. Уистлера, находим: F. Sandys, Ch. Furse, G. Sauter, John Lavery, E. Walton, J. Farguharson, A. Ludovici, J. Crawhall, F. Howard (почётный секретарь); среди почётных членов: Aman-Jean, A. Besnard, A. Boecklin, J. Boldini, Puvis de Chavannes, G. Costa, P. Frajiacomо, Max Klinger, Liebermann, C. Meunier, H. Mesdac, A. Rodin, Saint-Gaudens, G. Segantini, Franz Stuck, Fritz Thaulow, F. von Uhde, A. Zom и др.

Невольно бросается в глаза, что в списке есть все: и англичане, и разные немцы, и французы, и итальянцы, и норвежцы, а нет ни одного русского. Надо думать, что это просто случайность, ибо, желая пригласить и нас к участию на выставке, англичане могли бы выбрать в почётные члены комитета несколько русских художников; слава Богу, у нас есть мастера лучше многих поименованных. Восполнение этого пробела много бы облегчило и обеспечило участие русских художников - участие, как кажется, очень желательное. Облегчило бы оно тем, что русские почётные члены комитета составили бы из себя жюри при отправке картин, и, таким образом, художник, посылая вещь в Лондон, затрачивая деньги на пересылку, быть может, пропуская время участия на других подходящих иностранных выставках, был бы обеспечен в приём её.

Было бы жалко, если бы Лондонские международные выставки стали так же игнорироваться нашими художниками, как и многие им подобные.

Не возможно ли организовать в этом направлении что-либо постоянное, периодическое? Например, из обычных весенних выставок: академической, передвижной и СПб, общества художников общими силами организовать одну передвижную по Европе. Конечно, нет нужды устраивать её самостоятельно, она может быть отделом международных выставок. При таком положении дела можно было бы надеяться, что знакомство Европы с русским искусством пошло бы успешнее, да и само знакомство было бы основательнее, систематичнее; при работе общими силами действительно возможно было бы дать довольно полную и правдивую картину современного положения искусства русского, забывая и эллинов, и иудеев, и рабов, и свободных.²

---

² К удовольствию автора статьи и читателей, редакция может заявить, что первый почин в этом деле был сделан ещё прошлой зимою и, по предложению самих французов, общерусская художественная выставка должна устроиться будущим летом в одном из специальных выставочных помещений в Париже, а перед тем, или после того, она может побывать ещё в некоторых городах Западной Европы.

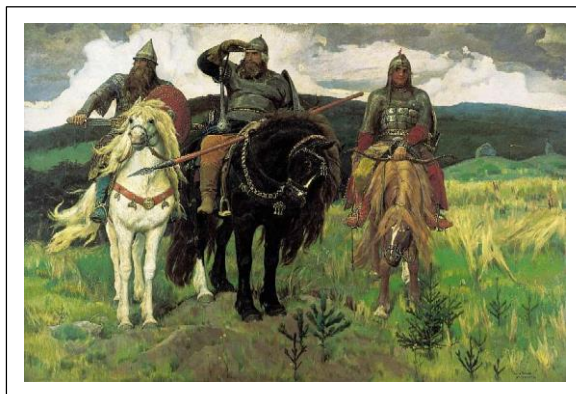
Уже надвигается время, когда придётся нам людей посмотреть и себя показать в Париже; вот бы в грязь лицом не ударить! 1900 год не за горами, а что-то мало слышно о специальных художественных приготовлениях.

Вслед за генеральным комиссаром Русского отдела выставки кн. Тенишевым в Париж, говорят, выезжали архитектор русского отдела Р. Ф. Мельцер и художник К. А. Коровин, на которого, слышно, возложена декоративная часть по устройству наших павильонов и который только недавно ещё возвратился из Средней Азии, где набирался мотивов для некоторых декораций. К. Коровин человек настолько талантливый и с таким художественным чутьём, что, надо думать, трудная задача подобной декорации будет разрешена им удачно (с декоративным дарованием г. Коровина петербуржцы имели возможность ознакомиться прошлым Великим постом за время спектаклей Московской частной оперы в зале Консерватории).

Недавно в газетах упоминалось о предполагаемом заведовании Русским отделом Парижской выставки финляндским художником Эдельфельтом и справедливо указывалось, что г. Эдельфельт, несмотря на то, что ещё очень недавно стал появляться в кругу русских художников, уже пользуется всеобщим уважением и доверием, но всё-таки не должно бы его ставить представителем русских художников на Всемирной выставке. Как ни значителен талант г. Эдельфельта, всё-таки в представлении всех и каждого, как за границей, так и у нас, ясно сознание, что русское искусство и финляндское - вещи разные. Затем оказалось, что, на основании параграфов «временного устава», совет Академии художеств имеет полную возможность поставить это дело, как следует.

Чёрт и тут оказался не таким страшным, как его намалевали, ибо, если г. Эдельфельт и будет участвовать в администрации Русского отдела, то верховенствовать там будет, конечно, не он, а - Академия, которая, на прошлом собрании 28 Сентября, уже обсуждала этот вопрос и выбрала по этому делу особую комиссию, в состав которой вошли: Беклемишев, Брюллов, Волков, Киселёв, Вл. Маковский и Репин.

Кажется, осуществляется участие на Всемирной выставке и выборных произведений из Московской городской галереи Третьяковых. Это было бы более всего желательно и необходимо: участие этой галереи сообщило бы Русскому отделу полноту и законченность и обеспечило бы верный успех ему. Если П. М. Третьяков не побоится хлопот, сопряжённых с таким делом, то за это предприятие русское искусство скажет ему новое большое спасибо, как и за всё, сделанное им для него.

В.М. Васнецов. Богатыри.

Не в Париже ли увидит публика прекрасную, уже законченную картину нашего почтенного Виктора Михайловича Васнецова? Картина изображает выезд на полеванье в степь трёх богатырей святорусских: Ильи, Добрыни и Алёши Поповича. Чудесная картина, можно заранее предугадать, какое силь-

ное впечатление будет производить она: даже с некоторыми незаконченными деталями она захватывала зрителя — такую мощью дышит фигура Ильи на тяжёлом, богатырском вороном коне, так много нового, характерного в строгом новгородском типе Добрыни, так прекрасно подчёркнута мало симпатичные стороны женского прелестника Алёши Поповича. В художественном кругу, однако, ходят слухи, будто петербуржцы ознакомятся с этой картиной (уже приобретённой П.М. Третьяковым) не далее как нынешней зимой. Хорошо бы!

Когда-то будет окончена большая новая картина В.И. Сурикова, пишущаяся в Московском Историческом музее? Она тем более интересна, что, как слышно, В.И., которого мы привыкли видеть творцом эпизодов XVI и XVII вв., теперь разрабатывает событие следующего столетия.

Собирается принять участие на Парижской выставке и частная мозаическая мастерская проф. А.Н. Фролова. Это очень желательно. Подобной частной инициативой удешевления и усовершенствования мозаического дела Россия должна гордиться.

На составе коллекции предстоящих выставок несомненно отзовутся недавние смерти известных художников, как Шишкин, Ярошенко и Сверчков. В октябре или ноябре, кажется, в залах Академии, устраиваются посмертные выставки И. Шишкина и П. Сверčkова, причём будет приложено старание возможно полнее очертить их художественную деятельность.

Чтобы не сказали «начал за здравие, а кончил за упокой», заключая настоящее письмо, не могу не поделиться новостью последнего Академического собрания, а именно, новым производством из обер в штаб-офицерский от искусства чин, — именно: к удостоенным весной звания академика Архинову, Дубовскому, Касаткину, Левитану и Серову, теперь можно прибавить ещё Нестерова.

Искусство и художественная промышленность. 1898. Октябрь - Ноябрь. №1-2. С. 117-126

18 октября 1898 г.

ХРОНИКА

Чтение лекций в Археологическом институте началось 28 сентября. В нынешнем академическом году лекции в институте будут читать: А.Л. Погдин — о славяно-русских древностях, В.И. Сергеевич — о юридических древностях, Н.В. Покровский — о церковной археологии, А.И. Соболевский — о славяно-русской палеографии., Н.К. Рерих — о художественной технике в применении к археологии, Г.Ф. Церетели — о греческой палеографии, Н.И. Веселовский — о первобытной археологии, А.П. Воропанов — об архивоведении, А.К. Марков — о древней и русской нумизматике, С.М. Гольдштейн — о польско-литовских древностях, С.М. Середонин — об исторической географии, Н.П. Лихачёв — о русской дипломатике. *Два предмета — художественная техника в применении к археологии и русская нумизматика — читаются в институте в первый раз.* Число слушателей института с каждым годом увеличивается: на первый курс принято уже 70 человек, и в самом непродолжительном времени приём слушателей будет прекращён за недостатком места в аудитории. Состав слушателей самый разнообразный: военные, чиновники, студенты; преобладают студенты Духовной академии.

Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 1 октября. № 269

18 октября 1898 г.

Журнал
«ИСКУССТВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»³

Нам сообщают, что из-за задержек при печатании в тексте снимков в несколько красок по вновь применяемому у нас способу и от увеличения числа листов вдвое против предложенного вследствие обилия материала (10 вместо 4-5) первый выпуск предпринятого Императорским Обществом поощрения художеств ежемесячного иллюстрированного издания под заглавием: «Искусство и художественная промышленность» запоздает на 5 дней и появится вместо 15 октября – 20-го. Он будет содержать в себе 12 статей: М.М. Антокольского, В.В. Верещагина, художника Н.К. Рериха, Е.К. Редина, Н.П. Собко, А.И. Сомова, В.В. Стасова и др., иллюстрированные 65-ю снимками на отдельных листах и в тексте (в виде офорта, хромотипий, автотипий, цинкографий и хромографий).

Новое время. 1898. 18/30 октября. № 8133.

Октябрь 1898 г. СПб.

Н. К. Рерих

ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ВЫСТАВКИ КАРТИН В КОННОГВАРДЕЙСКОМ МАНЕЖЕ

Вопросы народного искусства в настоящее время сильно интересуют умы. Организуются популярные лекции, строятся народные театры, собирается даже целый конгресс для разработки народных увеселений. В Вене, Лондоне, Берлине и других центрах устраиваются народные выставки картин, и у нас тоже была такая же, устроенная С.-Петербуржским Обществом художников и открытая 6 августа в Конногвардейском манеже.

Честь и хвала этому Обществу, что оно опередило всякие другие общества, товарищества и кружки и хотело оказать услугу светлой идее народных выставок; этой заслуги от него никто не отнимет, но ведь могут сказать: в чём же отличие народных выставок от обыкновенных, неужели только в песочном полу манежа, на котором способнее подсолнухи щёлкать, - это разница ещё не великая.

Действительно, нужны ли особые народные выставки?

---

³ Первый номер журнала «Искусство и художественная промышленность» вышел в конце октября 1898 г. Главным редактором журнала был Николай Петрович Собко (1851—1906) — историк русского искусства, секретарь Общества поощрения художеств. Собко издавал иллюстрированные каталоги выставок и «Словарь русских художников с древнейших времен до наших дней». В первых трёх номерах за 1898 г. журнала «Искусство и художественная промышленность» появилась статья В. В. Стасова «В. М. Васнецов и его работы. Воспоминания и заметки В. В. Стасова» (1898, октябрь — ноябрь, № 1—2, с. 65—96, с илл.; № 3, с. 137—183, с илл.). В этих номерах были репродуцированы следующие работы В. М. Васнецова: «Сборщик-монах», «Жар-птица», «Тряпичник», «Богоматерь» (1871), «Богоматерь» (1891), «Витязь», «Заштатный», «Козел-Мемека», «После побоища Игоря Святославича с половцами», «Пир Каменного века», «Княжеская иконописная мастерская», «Царь Берендей», эскиз декораций для 3-го акта к «Снегурочке», 3 орнамента к росписи Владимирского собора и др., был помещен портрет В. М. Васнецова работы И. Н. Крамского (гравюра В. В. Матэ).- ред.

Если вопрос разрешать, как он решён на этот раз, то ответ прямой: они не нужны, и гораздо большее значение может иметь льготный день в неделю на обычных выставках, когда плата будет минимальная или вовсе уничтожена.

Конечно, лучше пусть будет хоть наименьшая, но всё-таки плата, чтобы понятие подарка и благотворения, по возможности, оставалось в стороне.

Отрадно видеть в Эрмитаже и в Русском музее Императора Александра III, когда наряду с пышными дамами и новомодными кавалерами пробираются армячок и сибирка; ещё чувствует себя не у места этот люд, ещё с недоверием поглядывает по сторонам, «не заругали бы», но всё же идёт и, мало-помалу, будет чувствовать себя законным участником этой духовной трапезы. Не говорю уже о московской городской галерее (Третьяковых): в зимний, праздничный день, когда за неимением места несколько раз должны были приостанавливать наплыв желающих осмотреть галерею, — добрая четверть публики именно была серая.

Какие оживлённые разговоры слышатся; какие ожесточённые, своеобразные споры — полное отсутствие плоских шуток, и, тем паче, излюбленного сквернословия — народ инстинктивно чувствует близость серьёзного, чистого. Иной 15, 20 минут стоит неподвижно перед картиной; что-то он думает или безотчётно стоит подавленный, тщетно стараясь уяснить находящееся перед ним.

Представляется, как бы вырос и окреп этот несомненный, хотя может быть пока и бессознательный, интерес, если бы народ имел возможность найти помощь, найти необходимые объяснения; если бы нашлись лица, причастные художеству и настолько любящие это славное дело, что решились пожертвовать время на устройство таких объяснительных бесед и прогулок по выставкам, музеям и галереям. Не о цене картины, не о времени её написания (о чём обыкновенно любят рассказывать сторожа, если за неимением чего-либо лучшего вынуждены обратиться к их руководству), а о чём-то другом могли бы порассказать эти лица, и послушал бы их не только народ, но и интеллигент, почему-либо далеко поставленный судьбою от дел художества.

Надо надеяться, при организации чтений по искусству на общеобразовательных курсах, кроме чисто научной истории искусств, отнюдь не будет забыта и эта практическая сторона дела.

При таком положении специально народные выставки, особенно без изменения их содержания, — совершенно не нужны.

А то выходит по присказке: «Износит барин сапожки и одёжу, и в люди-то в ней показаться зазорно», — «всё, мол, в старом», и продать-то, пожалуй, никто не купит. «Возьму-тко я, и сделаю доброе дело, — думает барин, — (благодарю мужичка; мне-то всё равно не нужна одёжа — только дома пыль разводите, а ему она совсем диковинкой невиданной покажется, будет щеголять!» Люди-то скажут: «Ишь добрый барин! Никто-то о мужичке не подумал, а он одёжки со своего барского плеча не пожалел. И барину-то честь да хвала, и мужичку-то радость, он не посмотрит, что малость не по мерке, где трещит, где морщит, — живо обладит по своим понятиям».

Хотелось бы, чтобы наша-то народная выставка не имела ни чуточки схожего с подобной притчей. Надо постараться возможно благовиднее объяснить некоторые смущающие на ней обстоятельства. Так, исторические картины и жанры с доступным и полезным для народа содержанием, вместо того, чтобы занимать если не исключительное, то, во всяком случае, подобающее положе-

ние, вместо того, чтобы быть хозяевами, являлись на этой выставке гостями, оазисами, разъединёнными довольно плотным строем малосодержательных жанров и головок, ничего народу не говорящих пейзажей и нескольких картин заведомо плохого достоинства, отмеченных в этом направлении ещё на общих выставках двух обществ: С.-Петербургского и Исторического в помещении Академии наук.

Между тем слышно было, будто жанровой и исторической живописи С.-Петербургское общество хотело дать преимущество на новой выставке перед пейзажами, что было вполне понятно и желательно, но, должно быть, подобные слухи были не основательны, ибо иначе, чем же объяснить присутствие на выставке пейзажей самих воротил общества.

Щиты с мелкими пейзажными этюдами и эскизами имеют интерес для лиц, побывавших на предыдущих выставках СПб. общества, так как, припоминая картины, написанные по этим этюдам, они могут судить о росте и движении художественного творчества, но народ-то тут при чём? (Пропускаем перечень и детальный разбор давно известных произведений — вряд ли он был бы необходим.)

Надо думать, что всякие такие, к делу не идущие, произведения попали на народную выставку случайно, по недосмотру, а то, при существовании дурного весеннего прецедента, получается нечто не совсем красивое. Ведь только что прошедшею весною была открыта на Невском проспекте тоже «народная» выставка; устроители её точно надеялись стяжать себе какую-то славу, руководствуясь тем принципом, что за такую низкую входную плату нельзя и требовать чего-либо дельного: дал, мол, гривенник, а удовольствия ему подай на весь четвертак — тоже ведь надо и справедливым быть. Бог с ней, с этой выставкой: ничьего интереса она не возбудила; удовольствия и эстетического наслаждения сомнительно чтобы кому-либо доставила и мирно почила, а теперь вдруг вполне солидное общество, считающее в своём составе такие громкие имена, произведшее на свет Божий уже 6 детищ, в виде выставки, допускает такую же разнокалиберность, такое же исполнение пословицы: «Что в печи, всё на стол мечи».

Пословица хлебосольная, только ведь хозяину всегда надо сообразоваться со вкусами и аппетитами гостей.

Где-то указывалось на достоинство народной выставки в Конногвардейском манеже, выразившееся в отсутствии картин лёгкого содержания и этюдов женского тела; только этого ещё не хватало. Конечно, это несомненное и крупное достоинство выставки, в особенности теперь, когда число экспонатов, трактующих невозможное нагое женское тело, растёт, множится и конца-краю ему не предвидится.

Если присутствие народа так благотворно влияет на состав выставки в отношении меньшего раздевания женщин, то, само собой, надо дать скорее возможность серому люду посещать обычные выставки.

Говоря о ненадобности специальных «народных» выставок без особого изменения содержания, не надо забывать возможность таких выставок, устроенных по определённой программе, со строго профильтрованным содержанием.

Года 2, 3 тому назад, преимущественно в среде московских художников, явилась мысль об устройстве народной выставки (кажется, даже передвижной) по выработанной программе, религиозного и исторического со-

держания, более или менее декоративного исполнения. Работа уже кипела; многие художники, было слышно, энергично взялись за картины и даже картины очень больших размеров, но затем опять всё затихло, и интересная затея куда-то спряталась, только бы не навсегда. Если осуществится что-нибудь подобное, то выйдет нечто не чета выставке Конногвардейского манежа!

Если бы эта выставка была «общедоступная», она бы вызывала совсем иные соображения, но, к сожалению, она, по свидетельству гигантских выставок, именно «народная».

Не народным содержанием, не лубочным приёмом письма должны такие выставки привлекать любопытных; религиозные изображения, правдивый, прочувствованный рассказ о жизни минувшей (не только отечественной, но всякой, - лишь бы была известная система), яркие, жанровые картины иноземной жизни - всё это притянет к себе массу глаз и заставит думать десятки тысяч голов.

Странно распространяться о таком, безусловно, понятном вопросе, словно кто будет спорить и противоречить? Излишне говорить, какую важную роль займут такие выставки в развитии народного самосознания, что, не в подражание Западу, заставляет желать многого у нас, где даже родной язык во многих случаях всё ещё считается неуместным или невозможным!

Искусство и художественная промышленность. 1898. Октябрь-ноябрь. № 1-2.

КОННОГВАРДЕЙСКИЙ МАНЕЖ. С.-Петербург.
(Фотография начала 1900-х.)